

*Габиева Айтен Джамаляддиновна, студент бакалавриата, Московский
Педагогический Университет (институт филологии),
Россия, г. Москва*

**ЯЗЫКОВАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО И ЛИТЕРАТУРНОГО
МАТЕРИАЛА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ (НА ПРИМЕРЕ
СТИХОТВОРЕНИЯ Н. С. ГУМИЛЕВА «ПРАПАМЯТЬ...»)**

Аннотация: в статье анализируется стихотворение Н.С. Гумилева, полный смысл которого раскрывается при определении связи грамматики и семантики, а также их роли в создании уникальной композиции пространства стихотворения и выражении исторического и литературного материала.

Ключевые слова: мотив; поэтическая речь; композиция; время; пространство; лирический субъект морфология; синтаксис; семантика; историософия.

Abstract: the article analyzes the poem of N. S. Gumilev, the full meaning of which is revealed in determining the relationship of grammar and semantics, as well as their role in creating a unique composition of the poem space and the expression of historical and literary material.

Key words: motive; poetic speech; composition; time; space; lyrical subject morphology; syntax; semantics; historiosophy.

Николай Гумилев написал немало произведений, посвящённых историософской теме, с помощью которых он, по словам М.И. Цветаевой,

преподнес «двойной урок» современникам: «поэтам — как писать стихи, историкам — как писать историю» [1].

Одна из таких работ – сборник стихотворений «Костер» 1918 года, в который вошло стихотворение «Прапамять», написанное в конце июня – начале июля 1917 года. В нем, как и в ряде других стихотворений, поэт попытался обозначить свое место в свете происходящих в России исторических событий. Уже произошла Февральская буржуазная революция, в результате которой пала монархия, к власти пришло Временное правительство во главе с Керенским. В обществе царили хаос, неразбериха, неуверенность в завтрашнем дне, разочарование; назревала следующая – Октябрьская – революция. Все эти исторические события нашли отражение в стихотворении «Прапамять» в форме поэтического языка.

Автор рассказывает о революции как причине утраты мирного прошлого и возникновения чувства потерянности всего народа, который не знал ни своего места, ни предназначения. В это время многие люди, потеряв веру в общественный уклад, пытались уйти в себя, найти там точку опоры или хотя бы успокоение. Чувство разочарования породило неверие в развитие человеческого общества. В обществе получили распространение буддистские идеи о перевоплощении одной души в разные материальные формы. История стала восприниматься как бесконечная череда повторений, а человеческая жизнь как одно из многочисленных воплощений.

Именно об этом говорит Гумилев в своем стихотворении. Время проходит, сменяются поколения, а жизнь не меняется, – история, чувства, катаклизмы – всё повторяется, идёт по кругу; жизнь — как прапамять о прошлых жизнях.

Заглавие стихотворения «Прапамять» мгновенно вызывает неподдельный интерес в силу своего окказионального образования при помощи непродуктивной и малоиспользуемой приставки *пра-* «со значением первоначальности, исконности по отношению к тому, что названо мотивирующим именем существительным

(прародина, праславяне, праязык и т.п.)» [2, т. III, с. 370]. В результате доминирующим над индивидуальным лексическим значением слова *память* воспринимается семантика самого префикса, говорящая о чём-то древнем и изначальном. Таким образом, заглавие «Прапамять» создает впечатление, что в стихотворении пойдет речь о событиях прошлого, отдаленных и невозвратимых.

Что касается морфологического аспекта выражения содержания, то в стихотворении преимущественно употреблены существительные (22) и глаголы (5).

Существительные в большинстве своем называют объекты окружающего нас мира. Некоторые из существительных повторяются в составе разных строф: *моря, пустыни, города* использованы в 1ой и 3ей строфах. Повторы словно демонстрируют неизменность и цикличность мира.

Стихотворение состоит из 4 строф и 16 стихов. Наблюдается членение содержания текста, в рамках которого каждая строфа выполняет функцию смыслового блока.

1ая строфа начинается с восклицания «*И вот вся жизнь!*», которое выражает досаду и разочарование лирического героя. Не зря Гумилев прибегает к использованию номинативного оценочно-бытийного предложения, с помощью которого удастся передать и настроение героя, и его оценку действительности: он с невыразимой тоской говорит о печали по поводу утраты прежней жизни.

И вот вся жизнь! Круженье, пенье,

Моря, пустыни, города,

Мелькающее отражение

Потерянного навсегда.

Субъективный смысл высказывания также передается при помощи оценочной частицы *вот*. «В сочетании с союзом *и* частица *вот* обозначает итог чего-либо, эмоционально окрашивая это значение» [3, с. 245]. Именно так с самого начала **1ая строфа** рассказывает об утраченных днях и мире, который

когда-то был для лирического героя действительностью. Это тот самый мир, который сейчас герой с горечью вспоминает.

Особого внимания заслуживает наличие сочиненного ряда «*Круженье, пенье, / Моря, пустыни, города, / Мелькающее отраженье...*», где наблюдается при наличии морфологической однородности отсутствие однородности семантической: компоненты ряда не являются одноплановыми в смысловом отношении. Это придает стихотворению большую выразительность и усиливает эмоциональность текста. Из содержания строфы, в особенности, последнего стиха «*Потерянного навсегда*», где страдательное причастие употреблено в прошедшем времени, очевидна соотнесенность ее временного плана с прошлым.

Однако **2ая строфа** уже повествует о событиях настоящего. Гумилев рассказывает о мире нынешнем, в котором царит беспорядок.

Бушует пламя, трубят трубы,

И кони рыжие летят...

Потом волнующие губы

О счастье, кажется, твердят.

О временном плане строфы можно судить по использованию глаголов настоящего времени, перечисляющих действия: *бушует, трубят, летят, твердят*. Морфологическая однотипность слов свидетельствует об акцентировании их грамматической формы. Следовательно, здесь можно говорить о динамизации лексики, в силу которой вся группа глаголов воспринимается как единое целое. Как результат, образ настоящего приобретает черты хаоса, наступления некоего конца света: на землю нисходит пламя, трубят архангелы, летают всадники на конях.

Зья строфа повествует о новом этапе жизни. Лирический герой переходит в спокойное время: выходит из мира прошлого, описанного в 1ой строфе, и благополучно переживает хаос 2ой строфы.

И вот опять восторг и горе,

**Опять, как прежде, как всегда,
Седую гривой машет море,
Встают пустыни, города.**

Зья часть стихотворения начинается с той же конструкции, что и первая: *«И вот...»* и, как упоминалось ранее, снова используются образы *морей, пустынь и городов*. В результате такого рода повторы создают впечатление кругообразности происходящих событий и неизменности мира.

Наблюдается последовательное повторение конструкций с союзом *как* — *«как прежде, как всегда»* — для выражения дополнительной оценки. Тем не менее ощущается некая грусть и тревога лирического героя, возможно, связанная с тем, что по закону цикличности мира после спокойствия вновь пребудет хаос.

Кроме того, дважды повторяется наречие *опять* со значением «еще раз, снова» [4, с. 1138]. Дублирование создает впечатление того, что неизменно повторяющееся бытие мира становится уже в тягость лирическому герою.

4ая строфа даёт надежду, что весь этот мир хаоса – это не настоящий мир лирического героя.

**Когда же, наконец, восставши
От сна, я буду снова я, —
Простой индеец, задремавший
В священный вечер у ручья?**

Герой мечтает проснуться уже в своей реальности, где есть покой и умиротворение, которых ему так не хватает в сегодняшней реальной жизни. Временной план строфы соотносится и с прошлым, и с будущим, о чем свидетельствует и содержание, указывающее на будущность мечтаний, и форма глагола *буду*.

В последней строфе стихотворения личное местоимение, употребленное в позиции и подлежащего, и сказуемого (*я буду снова я*), подчеркивает стремление героя сохранить самоидентичность в круговороте событий жизни.

Итак, стоит отметить мастерство Гумилева в применении различных языковых средств для выражения исторических и литературных идей, заложенных в основу стихотворения.

Библиографический список:

1. Цветаева М.И. О Гумилеве [Электронный ресурс]. Адрес: <https://gumilev.ru/criticism/33/> (дата обращения: 21.10.2019).
2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка / Владимир Иванович Даль: в 4 т. – Т. III: П. – М.: РИПОЛ классик, 2006. – 544 с. (Золотая коллекция).
3. Ожегов С.И. Словарь русского языка. 9-е изд., испр. и доп. Под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 1972. – 2313 с.
4. Ожегов С.И. Словарь русского языка. 9-е изд., испр. и доп. Под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 1972. – 2313 с.